

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ | LAW

УДК 340.12

doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.03

5.1.1.

Система российского права: проблемы развития (часть первая)

Сергей Иванович Архипов

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, arhip10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0154-5494>

Аннотация. В статье исследуются особенности системы современного российского права, проблемы ее формирования и дальнейшего развития. Отмечается, что своими корнями российское право уходит в советское право, от которого оно унаследовало иерархическое отраслевое деление, многие правовые институты, а также «пирамиду властных норм». Особое значение уделяется исследованию правовых целей, их роли, значению в формировании системы права, в том числе системы российского права. Подчеркивается необходимость обособления, отпочкования системы права от политической системы общества. Чтобы система права действительно стала правовой, основанной на правовых принципах, законодательный процесс предлагается деполитизировать. Исследуются также проблемы внутренней дифференциации, разделения правовой «материи» на части, структурные элементы, анализируются причины возникновения в российской правовой системе неуправляемого процесса отраслевого «размножения», его последствия, роль законодателя и профессионального юридического сообщества в осуществлении процесса совершенствования, развития системы права.

Ключевые слова: система российского права, отрасль права, функциональные нормативные массивы, правовые цели, правовое развитие

Для цитирования: Архипов С. И. Система российского права: проблемы развития (часть первая) // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 1. С. 49–63. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.03.

The Russian Legal System: Developmental Challenges (Part One)

Sergey I. Arkhipov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia,
arhip10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0154-5494>

Abstract. The article addresses the intricacies of the contemporary Russian legal framework, scrutinizing its genesis, challenges, and prospects for future evolution. It is underscored that Russian law bears the imprint of Soviet legal heritage, which has been passed down to it, manifesting itself in the hierarchical categorization of branches, the proliferation of legal institutions, and the establishment of a “power norm pyramid”. Particular emphasis is placed on the examination of legal objectives, their function, and importance in the development of the legal framework, including within the context of the Russian legal system. The paper states that it is crucial to distinguish the legal system from the political framework of society. In order for the legal system to genuinely become legal and grounded in legal principles, it is essential to ensure that the legislative process is devoid of political influence. The article delves into the complicated issues of internal categorization and the subdivision of legal “substance” into distinct components and structural elements.

It also explores the origins of the unchecked proliferation of specialized branches within the Russian legal framework, the repercussions of this development, and the part played by legislative authorities and the legal professional community in navigating the trajectory of legal evolution and enhancement.

Keywords: Russian legal system, branch of law, functional normative arrays, legal goals, evolution of law

For citation: Arkhipov SI. The Russian Legal System: Developmental Challenges (Part One). *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University. 2026;14(1):49-63.* (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.03.

Современное российское право своими корнями уходит в советское право, от которого оно унаследовало систему иерархического отраслевого деления, многие правовые институты, а также «пирамиду властных норм». Вместе с тем, по своему «духу», основополагающим принципам оно существенно отличается от советского права. Советское право – это уникальное по своему характеру и природе явление. Его уникальность заключается в том, что оно создавалось «с чистого листа», не имея аналогов в прошлом и настоящем. Существовавшая до него в Российской империи правовая система формировалась в процессе естественного созревания общества, его постепенной правовой эмансипации, ее можно отнести к системам эволюционного типа. Отдельные правовые реформы Петра I, Екатерины II, Александра I, других российских императоров хотя и оказали заметное влияние на нее, но в целом не изменили ее эволюционной природы. Она вплоть до 1917 года оставалась по своей природе восточно-патриархальной, постепенно «дрейфующей» в сторону западной цивилизации. В советском же праве прежние ценностные ориентиры, идеалы, традиции были отвергнуты, впервые во всемирной истории была практически осуществлена радикальная идея разрушения до основания старого правового строя и создания на его руинах новой социально-правовой системы, исходным фундаментом которой была марксистско-ленинская идеология (см. подробнее: [Архипов 2026]).

Идеологи создания советской нормативно-правовой системы были убеждены в том, что ее необходимо формировать не на основе правовых идеалов, не на собственном правовом фундаменте, а исходя из внешних – политических соображений, целей и задач. А. Я. Вышинский, М. А. Аржанов и другие правоведы резонно утверждали, что истоки системы советского социалистического права следует искать вне правовой сферы, поскольку «невозможно заранее предопределить систему права с ее отраслями каким-то принципом, взятым в самом праве» [Аржанов 1939, с. 29]. По сути, созданная в Советском Союзе в 30–40-е годы система права была изначально лишена правового стержня, в ней идеи правовой свободы, формального равенства, социальной справедливости были заменены идеей диктатуры пролетариата, классовой борьбы.

Сформировавшаяся после распада СССР система российского права основана на иных принципах и ценностях, другой идеологии. В 90-е годы – начало XXI века таким фундаментом для многих российских правоведов и законодателя стали западные правовые ценности, а главным целевым ориентиром – романо-германская правовая семья. Это была попытка возродить прерванный революцией ход исторического развития, правового движения «в лоно» западной цивилизации. За относительно короткий исторический период в стране была воссоздана система частного права, в общественном сознании укоренились идеи прав и свобод человека, правового государства, частной собственности. В 1998 году Россия вошла в Совет Европы, стала участницей Европейской конвенции по правам человека, однако дальнейшая интеграция в европейское правовое «пространство» оказалась прерванной в 2022 году в силу внутренних и внешних причин.

К внутренним причинам можно отнести культурно-исторические традиции народа, определившие его тип правового сознания. Западные идеалы, европейские правовые ценности хотя и оказали существенное влияние на сознание народа, но окончательно-

но не вытеснили его «восточные» представления, сформировавшийся на протяжении столетий общинный «дух», принципы коллективизма, взаимопомощи, человеколюбия. Некоторые правоведы (В. Н. Синюков, М. Н. Марченко и др.), учитывая данные обстоятельства, рассматривают российскую правовую систему как квазироманскую, не входящую духовно и культурно-исторически в романо-германскую правовую семью (см.: [Архипов 2022, с. 14–15]). «Западные» и «восточные» ценности, существующие в сознании русского человека, конфликтуют друг с другом, и этот внутренний конфликт проявляется вовне. Главной внешней причиной стало открытое политическое, экономическое и военное противостояние России Западу, которое все больше приобретает характер цивилизационного раскола. Сегодня многие политики и юристы выступают с идеей пересмотра вектора развития страны, речь идет не только о суверенном политическом, но и о правовом выборе. Все больше звучат голоса в пользу создания в России государства-цивилизации со своей, основанной на национальных традициях, собственном культурном коде народа, системой права.

Как и сто лет назад, России предстоит выбрать свой собственный путь правового развития, сформировать систему права, которая обеспечит стране социальный прогресс, материальное процветание и духовное единство. Учитывая опыт прошлого, советский и дореволюционный, на наш взгляд, систему права не следует создавать на политических принципах коммуникации, она должна строиться на собственном – правовом фундаменте. Россия как цивилизация не должна быть своего рода антимиром, созданным против кого-то: против Запада или иных цивилизаций. Не идеями национальной или религиозной вражды надо руководствоваться во внешней сфере, классовой или иной политической борьбы – во внутрисударственных отношениях. В основе должны лежать позитивные социально-правовые ценности, объединяющие людей высокие нравственно-правовые цели.

Каждая система права в той или иной форме, завуалированно (в системах эволюционного типа) или явно (в системах, созданных в результате социальных революций или кардинальных правовых реформ), заключает в себе некую высшую цель. Как полагал Р. Иеринг, «цель есть творческая сила всего права» [Иеринг 1881, с. II (предисловие)], она лежит в основе всей правовой системы. Принципиальное отличие права от биологических систем состоит в том, что его развитие обусловлено целями, волей законодателя и субъектов права. Право – это мир «духа», сознания, в котором субъективная воля, индивидуальные и общественные интересы имеют первостепенное значение.

На наш взгляд, идея Р. Иеринга конституировать цель в качестве стержневого элемента права, в котором фокусируется «энергия» права, его «творческая сила», вполне конструктивна. Кроме энергетического потенциала права понятие «цель» предполагает также определение вектора, направления правового развития. В отличие от философских понятий «идея права», «дух права», «сущность права», которые слишком абстрактны и по этой причине малопригодны для системного анализа права, понятие цели, напротив, вполне применимо для изучения права как системы, причин ее возникновения, закономерностей развития. В нем заключено то главное, что объединяет отдельные структурные элементы в единое целое, обуславливает особенности их взаимодействия, различные связи, возникающие между ними. В системе понятий, характеризующих право как целостность, понятию цели следует отвести особое место, оно может быть положено в основу теории системы права.

Для права, как и для других социальных систем, в которых воля, сознание людей имеют решающее значение, цель является системообразующим фактором. Состав элементов, связи между ними, структура, функции, задачи, принципы права, его «анатомия», «генетика» и «физиология» в конечном счете определяются той целью, которая заложена в основание системы. Цель представляет собой несущий стержень, на который нанизывается вся правовая «материя», под ее влиянием формируется не только «плоть», но и «дух» права. Право как целевая система, согласно Р. Иерингу, живет по собственному «целевому закону», который гласит: «Нет деяния без цели» [Иеринг

1881, с. 2]. Целевой закон, сформулированный немецким правоведом, по нашему мнению, можно уточнить: в праве не только каждое деяние, каждый поступок невозможны без цели, но и правовое мироустройство, система права также определяются ею.

Главный порок существующих теоретических представлений о системе права заключается в том, что они основаны не на идее правового целого. Система права, согласно советской правовой доктрине, которой сегодня придерживаются многие современные правоведы, – это совокупность отраслей права. При таком подходе не из правового целого (системы права) выводятся элементы, а из элементов – целое. Как справедливо отмечают представители системного подхода, «наука (в опоре на философские представления) достаточно давно осознала несводимость целого к сумме частей и важность построения синтетической картины предмета изучения» [Блауберг, Юдин 1973, с. 108, см. также с. 124]. Понятие «цель», по нашему мнению, может выполнять ключевую роль при построении синтетической картины права как целостной системы. Оно, с одной стороны, ориентирует исследователя на изучение связей системы с внешней средой (с экономической, политической, другими подсистемами общества, на анализ социального предназначения права, его ценности для общества и т. д.), с другой стороны, на внутреннее правовое устройство, состав элементов, связей строения, функционирования, взаимодействия, преобразования и др. И, самое главное, данное понятие ориентирует правоведов на анализ социальных факторов, обуславливающих формирование системы права, закономерностей процесса ее развития, на осмысление правового прошлого, настоящего и будущего.

Для современной России выбор стратегической цели, которая может быть положена в основание системы права, имеет принципиальное значение. От этого выбора зависит будущее страны, перспективы ее экономического, духовно-нравственного, правового развития, социального прогресса. Когда цель, заключенная в праве, не соответствует природе права, его «высшему предназначению», то ее практическое осуществление может привести к социально-правовому регрессу, правовой деградации общества.

Примером такого несоответствия цели, положенной в основание системы права, природе права является советское право, в котором идея диктатуры пролетариата стала для «архитекторов» нового права системообразующей. «Цель права» и цель в праве в СССР были своего рода идейными антагонистами, находящимися на разных идеологических полюсах. В период формирования советского права в качестве «враждебных» были отвергнуты идеи правового государства, естественных прав человека, собственной ценности права, правового прогресса, представления о социальной роли, предназначении права. Право стало восприниматься инструментально, как голая юридическая форма, лишенная внутреннего содержания, у которой не может быть законов собственного развития. Однако уже в середине – конце 80-х годов низвергнутые советскими юристами «буржуазные» правовые идеи вновь возродились, получили признание, в том числе теория правового государства, представления о собственной ценности права, его особой социальной роли и др. Правовая «материя» проявила свою жизненную силу, способность сохранять свой «дух» вопреки всем попыткам изгнать его из советского права. Коммунистическая идеология не смогла изменить внутреннюю природу права, его собственную «целеустремленность».

В современной России в условиях политического, экономического и военного противостояния Западу у политиков и юристов вновь возникает желание положить в основу системы права политические принципы. Это объяснимо с точки зрения нынешних внешних вызовов, однако система права – стратегический проект, нацеленный на дальнюю перспективу, в его основе должны лежать социальные интересы, духовные ценности высшего порядка. При построении системы права необходимо выйти за узкий горизонт актуальных для данного временного периода политико-правовых проблем. Цивилизационный правовой выбор России должен соответствовать природе, «цели права», конечным ориентиром для законодателя и всего правового сообщества должно

стать совершенное, т. е. соответствующее интересам, воле первичных субъектов права, правовое мироустройство.

Идея поступательного правового развития России, социально-правового прогресса, предполагает необходимость обособления, отпочкования системы права от политической системы общества. Как отметил Н. Луман, объединение политики и права в единую политико-правовую систему произошло в Новое время, в результате чего закон стал основным инструментом реализации политических целей (см.: [Luhmann 2004, р. 357, 363]). В определенном смысле система права сегодня находится в зависимом положении от политической системы, является ее «заложницей». Юристы оказались вытесненными из сферы правотворческой, законодательной деятельности, где основная роль отведена политическим партиям, они лишь оформляют принятые политиками решения. Чтобы система права действительно стала правовой, основанной на правовых принципах, законодательный процесс необходимо деполитизировать. Правотворчество должно стать профессиональным видом юридической деятельности, а закон – средством правовой коммуникации.

В западном мире правотворчество неразрывно связано с институтом демократии. В рамках политической формы коммуникации демократия представляет собой кульминационный пункт, высшую точку в ее развитии. Для политического сознания идеальной моделью организации законотворческого процесса является непосредственное участие в нем представителей народа. В период борьбы с абсолютизмом институт демократии был значительным шагом вперед по пути социального прогресса. Однако уже в XIX – начале XX в. многие российские и зарубежные правоведы отмечали то обстоятельство, что при такой форме власти наименее образованная часть общества занимается сложнейшим видом социальной деятельности – правотворчеством, к которому она совершенно неспособна (см., например: [Чичерин 1883, с. 353]). Они призывали не переоценивать роль демократических процедур, не абсолютизировать их социального значения (Н. Н. Алексеев), обращали внимание на вырождение данного института, что он стал удобным и послушным инструментом в руках западных элит, использующих его в своих целях, тайно вершащих судьбы Земли (см.: [Шпенглер 2003, с. 407]). В XXI столетии процесс разложения «священного» западного института демократии значительно ускорился и те внутренние противоречия, негативные тенденции, которые ранее были едва заметны, стали очевидны для многих. Глубочайший кризис, в котором находится данный институт, вызывает скепсис, критически-недоверчивое отношение к нему не только у представителей восточных цивилизаций, но и у самих европейцев.

На наш взгляд, для поступательного правового развития России целесообразно вместо «народного» правотворчества пойти по пути формирования профессионального юридического вида деятельности. Опыт нормотворчества Древнего Рима показывает, что наиболее совершенные правовые институты были созданы не обладающими властными полномочиями юристами, а адвокатами, осуществляющими свою деятельность «под социальный заказ». Принцип, положенный в основу системы римского частного права, – совмещение произволов участников правовых отношений. Его практическое осуществление привело к появлению самой эффективной системы права, которая до сих пор является востребованной в правовом мире. Кант развил римскую частноправовую идею совмещения произволов, придав ей всеобщее значение: «...право – это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [Кант 1965, с. 139]. Если в Древнем Риме принцип совмещения произволов был применим лишь к сфере частного права, то Кант приложил его ко всему праву, включая публичное. Хотя ему, как представляется, не удалось в полной мере воплотить идею торжества свободы в публично-правовой сфере, где он отступил от первоначального замысла сконструировать государство на принципах права, тем не менее мысль Канта, заключенная в его дефиниции права, для юристов является весьма ценной и актуальной.

Современное российское право должно быть не правом власти, как это было в СССР, а нормативной системой, созданной в интересах субъектов права профессиональными юристами. Речь идет не о законодательной революции, об упразднении существующей системы законотворчества, а о постепенном, эволюционном процессе вытеснения непрофессионального правотворчества профессиональным. Юристы должны пройти долгий путь, чтобы вернуть себе важнейший вид социальной деятельности, требующий специальных юридических знаний и навыков. Во-первых, они сами должны быть готовы к его осуществлению, что потребует значительных усилий и принципиально иных подходов к профессиональной юридической подготовке, а во-вторых, для этого необходим социальный запрос. Общество должно «дозреть» до правового типа коммуникации, у субъектов права должно развиться внутреннее чувство правовой свободы, нетерпимости к государственному произволу. Пока в социуме доминирует политический тип сознания, отношение к государству как суверену, который вправе навязывать свою волю гражданам, решать за них социальные проблемы, то в этих условиях «право юристов» может иметь лишь ограниченную сферу применения, главным образом – частноправовые отношения. В организационном плане возможны различные сценарии осуществления юристами правотворческой деятельности в рамках существующей в России системы законотворчества (см., например: [Архипов 2024, с. 10–13]).

Переход от государственно-властного регулирования социальных отношений к совмещению интересов в рамках профессиональной юридической деятельности наиболее актуален в отношении публичного права, поскольку именно здесь доминирует принцип государственного властвования. Прежде всего это касается конституционного права, а также административного, налогового, уголовного. Российская Конституция 1993 г., как и конституции других стран, – в своей основе политический документ, закрепляющий государственный строй. Как справедливо отметил один из авторов «альтернативного» проекта главного политико-правового акта страны С. С. Алексеев, впервые за всю многовековую отечественную историю в России принята демократическая Конституция, однако ее демократизм относителен, наряду с очевидными достоинствами у нее есть существенные недостатки. Во-первых, права человека «не только по существу были выведены из первой главы Конституции, но и утратили некоторые определяющие характеристики»; во-вторых, в ней отражаются государственно-властные приоритеты, «по многим показателям и критериям в начале нового тысячелетия в России утвердился режим централизованной власти (по мнению ряда аналитиков – “мягкой авторитарности”, а в чем-то – и не только “мягкой”, режим, при котором господствует некая “суверенная” или “управляемая” демократия» [Алексеев 2009, с. 42, 44].

Возможно, в период создания нового государственного строя, опасных внешних вызовов режим централизованной власти, «мягкой авторитарности» является необходимостью, однако с точки зрения стратегических целей правового развития страны нужны другие приоритеты. Необходим постепенный, последовательный переход к другому типу государственности, основанному на правовых принципах коммуникации. России нужен не Левиафан, властвующий над своим народом, а государственно-правовая корпорация, служащая своим гражданам, осуществляющая их общую правовую волю. В целях правового прогресса должны быть иные подходы к формированию доктрины конституционного права.

Необходимость перехода от властно-политического к профессионально-юридическому регулированию общественных отношений назрела также в сфере административного и уголовного права. В частности, это касается миграционных проблем, от решения которых зависит стабильность, устойчивость всей правовой системы. Российский законодатель, ориентирующийся в регулировании миграционных отношений на интересы отдельных групп предпринимателей и стоящих за ними политических партий, рискует оказаться в той же ситуации, что и законодатели стран Запада, кото-

рые своей неразумной миграционной политикой способствовали появлению в Европе и США отдельных правовых анклавов, живущих по своим собственным правилам.

Правовой опыт, накопленный странами Западной Европы, показывает, что правовые анклавовы легко создать в результате необдуманных политико-правовых решений, но сложно потом с ними бороться административными и уголовными методами. Во Франции, например, эта борьба ведется на протяжении многих лет и в ней выигрывают не власти страны, а правовые анклавовы. Французские правоприменители вынуждены признать, что в стране уголовное и административное право действует избирательно: применяется в отношении законопослушных коренных французов и лишь в исключительных случаях – в отношении обитателей анклавов. Попытки навести порядок, привлечь к административной или уголовной ответственности «инородцев» наталкиваются на активное сопротивление всего анклава, доходящее до массовых беспорядков, нападения на полицейских, на судебные и иные государственные учреждения. Сопоставляя ущерб от уголовных преступлений и возможные последствия от судебного преследования преступников, власти страны приходят к выводу, что лучше не применять уголовные и административные санкции по отношению к этой категории лиц без крайних поводов. Так в одной стране рождаются «параллельные» правовые миры, противостоящие друг другу системы права: официального и неофициального.

В России важно не допустить подобного сценария развития миграционных процессов, необходимо предвидеть негативные последствия принятия «чувствительных» для общества законодательных решений, что может сделать лишь профессиональный законодатель, ориентирующийся не на временные политические или экономические выгоды, а на долгосрочную перспективу, учитывающий интересы не только предпринимателей, использующих относительно дешевую рабочую силу, но и интересы всех категорий граждан, их безопасность, благополучие, а также стратегические цели социально-правового развития. Необходима «тонкая» настройка миграционного права, где каждый элемент продуман, соблюден баланс интересов всех участников отношений. В бывших республиках СССР есть немало тех, кто родился и вырос в рамках единого советского государства, кто унаследовал общие с россиянами социальные ценности. Для них, как правило, нет проблемы вхождения в российскую правовую среду, но есть и те, кто вырос в иных условиях, у которых другая система ценностей, чуждые нам представления о праве. Законодатель должен это учитывать, как и зарубежный опыт, и принимать разумные, взвешенные правовые решения.

Не менее важен профессиональный юридический подход и к регулированию налоговых отношений. В рамках существующей доктрины налогового права государство – это суверен, который вправе навязывать свою волю налогоплательщикам – гражданам и организациям. Налог определяется законодателем (ст. 8 Налогового кодекса РФ) как «обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований», т. е. налог, если следовать логике законодателя, – это форма экспроприации денежных средств, принадлежащих налогоплательщикам. Законодатель в своей дефиниции налога даже не пытается придать видимость правового отношения действиям государства по изъятию собственности у своих граждан и организаций. Государственная власть не возлагает на себя взаимных обязательств по отношению к налогоплательщику, не учитывает его волю, финансовое состояние, другие факторы, не отвечает за рациональное использование изъятых у него денежных средств.

Изначально установленный в Налоговом кодексе РФ принцип справедливости налогового права (п. 1 ст. 3 НК в ред. Федерального закона № 146-ФЗ от 31.07.1998) позднее «за ненадобностью» был исключен законодателем из текста закона, законодатель официально, публично отказался осуществлять принцип справедливости в налоговых отношениях. Комментируя данное решение народных избранников, А. П. Семитко от-

мечает: «...идея социальной справедливости почему-то иногда целенаправленно изгоняется из современного законодательства», хотя принцип справедливости, по его мнению, «настолько абстрактен, что не представляет никакой угрозы кому бы то ни было, но показывает главные ориентиры и основные ценности правовой политики в данной области» [Семитко 2024, с. 120]. Если для римских юристов право было искусством добра и справедливости, то российский законодатель не обещает субъектам права ни добра, ни справедливости в налоговых отношениях.

Само обещание справедливости, как верно заметил А. П. Семитко, не несет угрозы законодателю, его фискальному суверенитету и системе права, чего нельзя сказать о его практической реализации, которая может иметь негативные последствия. Французский законодатель, в отличие от российского, декларировал принцип справедливости налогового права и даже попытался его осуществить. В частности, в отношении налога на доходы физических лиц установил прогрессивную шкалу налогообложения. Однако французские налогоплательщики не оценили позитивно его представление о справедливости. В 2015 и 2016 годах соответственно десять и двенадцать тысяч наиболее успешных предпринимателей-миллионеров покинули Францию¹, при этом одна из главных причин их отъезда – несправедливое налогообложение. В последующие годы, после отчаянных попыток правительства Франции спасти ситуацию, отток предпринимателей и их капиталов хотя и сократился, но в целом проблема несправедливости налогового права французским законодателем не решена. Не решена она и в Великобритании, где в 2025 году наметился рекордный отток миллионеров по причине резкого повышения налогов на прирост капитала и наследство – шестнадцать с половиной тысяч человек². То, что представляется справедливым для законодателя, оказывается несправедливым для налогоплательщиков.

Проблема, на наш взгляд, кроется не в частностях, не в отдельных ошибках, допущенных законодателем при определении критериев справедливости, а в самом принципе фискального суверенитета, в том, что государство игнорирует волю, интересы своих граждан. Законодатель налоговыми экспроприациями разрушает важнейшую социальную связь, на которой строится государственность и система публичного права. Тот институт фискального суверенитета, который он создал, – это институт отчуждения государства от индивида. В нем нет правового содержания, правовой связи, основанной на взаимности, на совмещении правовых интересов. Для французского и британского законодателя, создавших такую систему налогового права, от которой «бегут» в другие страны со своей исторической родины тысячи успешных предпринимателей, – это сигнал социального бедствия, предвестие экономической и социально-политической катастрофы.

Идея фискального суверенитета, заложенная в качестве основы налогового права, на наш взгляд, является неконструктивной с точки зрения стратегии правового развития общества. Руководствуясь ею, невозможно создать эффективную, передовую систему налоговых правоотношений. Как и в отношении системы права в целом, в налоговой сфере должен действовать принцип совмещения интересов сторон. Единственным справедливым налогом, по мнению Л. Фуллера, «является тот, который заставляет гражданина платить эквивалент того, что он сам получает от правительства» [Фуллер 2007, с. 124]. Он резонно упрекал Харта за его попытку установить принципиальное различие между нынешним законодателем и «бандитом с ружьем», по его убеждению, существенной разницы между ними нет. Более того, Л. Фуллер полагает,

¹ См.: Malm S. Exodus of the richest: Wealth tax is forcing 12,000 millionaires PER YEAR out of France, says Prime Minister as he lowers tariffs for the better off // Daily Mail. 29.09.2017. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-4932482/Wealth-tax-forces-12-000-millionaires-YEAR-France.html> (access date: 15.10.2025).

² См.: Одной стране предрекли исход миллионеров из-за решения по налогам // Рамблер. 24.06.2025. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/54879418-odnoy-strane-predrekli-ishod-millionerov-iz-za-resheniya-po-nalogam/> (дата обращения: 15.10.2025).

что «положение гражданина некоторым образом оказывается хуже положения жертвы бандита» [Фуллер 2007, с. 167].

России необходима налоговая система, но основанная не на фискальном суверенитете государства, не на идее принудительной экспроприации собственности налогоплательщиков. Система налогового права должна строиться на принципах правовой коммуникации, на учете воли, интересов всех сторон. Как отмечал выдающийся русский экономист Н. И. Тургенев в своем «Опыте теории налогов», налог должен вести к благосостоянию народа, а не к его обнищанию, он должен основываться на свободе гражданской, согласовываться с выгодами народа: «...если мы видим, что собирание налогов в одном Государстве более согласуется с выгодами народа, нежели в другом; то мы смело можем сказать, что в сем первом Государстве народ пользуется лучшими законами, большею свободой и, следовательно, большим благосостоянием, нежели в последнем» [Тургенев 1818, с. 8–9]. Развивая мысль автора, можно отметить, что налоговая система должна быть институтом социально-правового прогресса, гражданско-правовой свободы. Посредством ее должна укрепляться правовая связь между гражданином и государством, должны развиваться, а не разрушаться отношения собственности, индивид должен видеть в налоге собственную правовую волю, свой интерес. Для создания такой системы налогов России нужен профессиональный налоговый законодатель – социально-правовой инженер, способный, как римские юристы, совмещать «несовместимое». Нужны профессионалы, которые в интеллектуальной конкурентной борьбе с законодателями других стран могут создать самые совершенные с правовой точки зрения налоговые законы, обеспечивающие процветание народа.

Другая проблема развития системы права в России – внутренняя дифференциация, разделение правовой «материи» на части, структурные элементы. Современные представления о строении, структуре российского права в значительной мере унаследованы от советской юридической науки. В рамках первой дискуссии о системе советского права (с 1938-го по 1946 г.) были отвергнуты идеи П. И. Стучки и его сторонников, рассматривавших право как систему (или порядок) общественных отношений, а также взгляды представителей психологической теории права (Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер и др.). А. Я. Вышинский, позиция которого была принята за основу участниками дискуссии, исходил из того, что субстанция, «материя» права – это правила поведения, нормы, включая обычаи и правила общежития, санкционированные государственной властью (см.: [Вышинский 2009, с. 234]). Следовательно, договоры, судебные решения, административно-правовые акты, правовые отношения, возникающие между субъектами права, субъективные права, юридические обязанности, принципы права и т. д. не рассматривались в качестве правовой субстанции, элементов системы права. Этот позитивистский взгляд на правовую «материю» и систему права до сих пор является доминирующим в юридической науке.

В советском правоведении утвердилось понимание системы права как деления правовых норм по отраслям. Первоначально в качестве главного, а для многих юристов – единственного критерия деления права был признан предмет правового регулирования, позднее в качестве дополнительного (вспомогательного) критерия – метод правового регулирования, некоторые правоведы в качестве критерия выделяли принципы права (Л. И. Дембо), волю господствующего класса (И. В. Павлов) и др. В современной российской юридической науке выделяется уже более тридцати критериев деления права по отраслям (см.: [Система права ... 2019, с. 244]). Изменилось также представление о составе и количестве отраслей права, в советском правоведении в период первой дискуссии предлагалось выделять десять отраслей права, в современной России выделяются уже более ста отраслей права (см.: [Там же, с. 243]). Если оценивать ситуацию с «размножением» отраслей российского права словами Гегеля, то это «дурная бесконечность», т. е. неограниченный процесс однообразных изменений, ничем не разрешающихся.

Причин возникновения в российской правовой системе неуправляемого процесса отраслевого «размножения», на наш взгляд, несколько, выделим наиболее важные из них. Во-первых, созданная в 30–40-е годы в СССР пирамида властных норм, своего рода «правовой кулак» для осуществления диктатуры пролетариата, постепенно начала разрушаться. Тенденция к разложению «пирамиды» наметилась уже в советском праве позднего периода в связи с осуществлением идей либерализации правового регулирования, построения «социалистического правового государства». Она ускорилась после распада советского государства, особенно после формирования системы частного права в России. Появление частноправовых субъектов существенно изменило ситуацию с точки зрения «социальных запросов» на формирование новых отраслей права. Если в СССР единственным «заказчиком» создания новых отраслей права было государство, то в современной России инициативу у государства перехватывают субъекты предпринимательской деятельности в части формирования и развития тех отраслей права, которые регулируют их бизнес: право банковское, страховое, транспортное, строительное, медицинское, энергетическое и т. д. Кроме того, в условиях многопартийной системы каждая политическая партия отстаивает свою правовую позицию, вносит свой вклад в процесс образования новых отраслей права. Возникла ситуация «открытых шлюзов», когда государство, законодатель утратили контроль над этим процессом и, главное, у них нет общего плана развития системы права в стране.

Во-вторых, развитие науки, новых технологий, меняющих социальную жизнь, также является важным фактором, способствующим появлению новых отраслей права: космического, информационного, цифрового, инновационного, права кибербезопасности и др. Научно-технический прогресс «подталкивает» российского законодателя к принятию законов, формирующих новые социальные сферы отношений, развивающих существующую систему права.

В-третьих, в отличие от советской юридической науки, где в результате первой, второй и частично третьей дискуссии о системе права был достигнут определенный консенсус, согласие по основным вопросам, в современной российской науке такого согласия нет. У правоведов отсутствует общая картина, единое представление о системе российского права, понимание той цели, к которой следует стремиться. Если в советской юридической науке торжествовал принцип минимализма – необходимого и достаточного для формирования целостной системы количества отраслей права, то в современном правоведении торжествует принцип свободного, неограниченного какими-либо пределами отраслевого образования (принцип максимализма). Для законодателя, утратившего собственные ориентиры в правовом поле, это еще один фактор, способствующий «вольному» отраслевому созиданию.

Многие исследователи системы российского права, анализируя происходящий в нем процесс бесконечного деления отраслей, все чаще высказывают сомнения в том, что он имеет объективный, закономерный характер, что отрасли права в реальности существуют. Некоторые советские правоведы еще в рамках дискуссии 1982 года выступали против отраслевого деления права. В частности, Ц. А. Ямпольская утверждала: «Фактически отрасль не составляет основной структурной части системы права... Отрасль не является внутренне присущим подразделением правовой ткани... *Отраслей как таковых в праве нет*» (выделено мной. – С. А.) [Ямпольская 1982, с. 94–95]. Негативное отношение к идее отраслевого деления права было высказано также Л. Р. Сюкияйненом: «Функциональный подход к исследованию системы права представляется необходимым и перспективным. С этой точки зрения целесообразнее рассматривать систему права не как набор отраслей, а как единый механизм, решающий известные задачи и направленный на достижение определенных целей» [Сюкияйнен 1982, с. 97–98].

На наш взгляд, отрицание отраслей права как таковых – одна крайность, признание неизбежности их существования – другая. Как отмечал Гегель, субъективное и объективное не противостоят, а скорее переходят друг в друга (см.: [Гегель 1990, с. 88]). В советском праве этот переход субъективного в объективное наиболее заметен. Когда

прежний социальный строй разрушается до основания, а новый правовой мир создается «с чистого листа», то торжествует субъективная воля законодателя. То, что советские юристы в период формирования новой системы права называли предметом правового регулирования, не было отражением объективной реальности, поскольку ее не существовало. Это был образ желаемого правового будущего. Посредством норм, правовых отраслей и институтов был создан новый социальный строй, субъективная воля объективировалась, материализовалась. Отрасли и институты советского права не представляли собой объединений норм, естественно сложившихся в ходе процесса эволюционного развития общества. Отраслевая система советского права – это политико-правовой проект, осуществленный государственной властью. Каждой отрасли права было отведено свое место и своя роль в общем плане нового социального мироустройства. Поскольку вся система советского права была воплощением единого замысла государственной власти, то каждая отрасль представляла собой развитие и осуществление общей идеи.

Отрасли и правовые институты в системе советского права были объективной реальностью. Как справедливо отмечал С. С. Алексеев, «позитивное право – это факт», т. е. есть «внешняя реальность, строгая объективная реальность», но «особая социальная реальность», «материя со своими свойствами, своей жизнью, логикой существования и развития» [Алексеев 2010, т. 6, с. 91–92]; в праве есть «зримая» реальность – «законы, другие правовые источники, документы» и есть «незримая» реальность – структура права, его внутренняя организация, форма (см. подробнее: [Семитко 2024, с. 138–151, 368–395, 637–645]). Тезис Ц. А. Ямпольской об отсутствии в праве отраслей, на наш взгляд, не отражает правовой реальности, как «зримой», так и «незримой». Видимая («зримая») реальность существования отраслей права – это отраслевые кодексы, другие нормативные акты, принятые на их основе, развивающие по прямому указанию законодателя их положения. За «зримой» нормативной реальностью стоит созданная на основе осуществления этих норм уже иная социальная реальность: государственное устройство, сформированное в соответствии с конституционным правом, системы уголовного, гражданского правосудия, административные, правоохранительные органы, различные учреждения, основанные на нормах соответствующих отраслей права, и т. д.

«Незримая» реальность отраслей советского права была заключена в их властной, публичной политико-правовой природе. Отрасли советского права существенно отличаются от тех функциональных объединений норм, которые в современной юридической науке относят к новым отраслям права (банковское, строительное, образовательное и т. д.), созданным под «социальный заказ» различных групп предпринимателей, граждан. Отраслевая система советского права – это жесткая, властная «анатомическая» структура, построенная законодателем для осуществления конкретной политической цели. Посредством нее был создан правовой остов нового социального мироустройства. М. Д. Шаргородский и О. С. Иоффе резонно замечали, что нельзя смешивать объективное отраслевое строение права с научной систематикой, что это принципиально различные вещи (см.: [Шаргородский, Иоффе 1957, с. 103]). Отраслевая система советского права была создана, опиралась на волю и силу государства, на политическую власть, на механизмы идеологического, воспитательного воздействия на граждан. Если в основе частного права лежал экономический интерес, взаимная воля, согласие участников рыночных отношений, то в основе системы советского, по своему «духу» публичного права – политический, государственный интерес.

Новые отрасли российского права – это тоже правовая реальность, но иная, чем реальность отраслей советского права. По своему характеру они, как правило, представляют собой функциональные объединения норм, их условно можно отнести к «физиологии» права. Они создаются в целях обеспечения жизнедеятельности правового «организма». Отрасли же советского права представляли собой своего рода «скелет», «анатомическое» строение права, каждая из них заключала в себе одну из важнейших,

стержневых идей социально-правового мироустройства (конституционное или «государственное право в узком смысле» – организация государственной власти, административное – создание системы управления государством, гражданское право – хозяйственный, экономический уклад, уголовное право – борьба с преступностью, судебное – формирование систем уголовного и гражданского правосудия и т. д.). Они были основаны на публичных интересах, пропитаны идеологией, представляли собой нормативно-правовые комплексы закрытого типа. Новые отрасли права, напротив, основаны на частных интересах, представляют собой комплексные образования открытого типа.

Нужны ли отрасли права как «анатомические» нормативные структуры в современном российском праве? На наш взгляд, нужны, но не в том виде, как они были созданы в советском праве. Правовой «кулак» – это эффективное средство, оружие для осуществления политической диктатуры или для отражения внешней агрессии, но не для повседневной правовой жизни, где он является инородным телом. В целях социально-правового прогресса России нужны очищенные от идеи политического насилия, «отдифференцированные» отрасли права, сформированные на основе принципов свободы, равенства, совмещения интересов, т. е. правовой, а не политической коммуникации. Для этого необходима, как отмечалось ранее, деполитизация нормативного регулирования, постепенный переход к профессиональному юридическому правотворчеству.

Кроме того, при построении системы советского права была взята за основу идея внешнего обособления отраслей, их жесткого размежевания, она возобладала над идеей правовой интеграции, что в конечном итоге обусловило их закрытый характер. С одной стороны, это позволило соответствующим отраслевым наукам основательно, глубоко исследовать те отношения, которые входят в предмет правового регулирования данной отрасли права, разработать основные понятия, категории, теоретические конструкции и т. д., с другой стороны, в результате отраслевого обособления была в значительной степени утрачена способность системы права оперативно реагировать на социальные вызовы. Наличие жестких межотраслевых перегородок препятствовало решению комплексных правовых задач. В общем «правовом доме», состоящем из отраслевых «квартир», например, не нашлось места для системы правовых норм, обеспечивающих научно-технический, технологический прогресс, что впоследствии сказалось на развитии инновационных, «высоких технологий» в Советском Союзе. Начиная с 70-х годов отсутствие эффективных правовых стимулов привело к значительному отставанию советской науки в сфере гражданских технологий, обеспечивающих переход от индустриального к постиндустриальному обществу³. И сегодня, в современной России, эта важнейшая правовая проблема законодателем не решена, до сих пор не создана нормативная база, обеспечивающая научно-технологическое лидерство страны.

Закрытый характер отраслей советского права не способствовал развитию права в целом, а также отдельных социально значимых правовых институтов. В частности, это касается института собственности. В результате отраслевого размежевания регулирование отношений собственности в основном осуществлялось в рамках гражданского права. Отдельные аспекты отношений собственности в СССР регулировались конституционным (государственным), административным, уголовным, бюджетно-налоговым, другими отраслями советского права. По сути, правовые отношения собственности оказались разорваны на отдельные части, не связанные между собой. Нормы, регулирующие отношения собственности в рамках одной отрасли, противоречили нормам других отраслей права. Единого, комплексного правового института собственности в советском праве, да и в современном российском не создано. В отношениях собственности за многие десятилетия не достигнут баланс индивидуальных и общественных правовых интересов, нет значимых успехов с точки зрения формирования справедливой, социально ориентированной собственности. Возведенные законодателем между отраслями права искусственные «перегородки», «стены» препятствуют решению ак-

³ Советские ученые вместо создания передовой сельскохозяйственной техники вручную собирали картофель на полях страны вплоть до распада СССР.

туальных правовых проблем, социально-правовому прогрессу. Система права должна быть гибкой, оперативно открытой, способной отвечать на вызовы внешней среды.

Политизация и закрытый характер отраслей советского, а также российского права являются важными негативными факторами, сдерживающими развитие права, однако на этом основании, на наш взгляд, не следует делать категорический вывод о том, что пора вовсе отказаться от отраслевого деления права, его необходимо совершенствовать, устраняя существующие недостатки. В системе российского права целесообразно сохранить, развивать и отрасли права, и функциональные нормативные комплексы, один элемент не исключает другого. Некоторые авторы рассматривают функциональный подход в качестве альтернативы отраслевому (см.: [Сюкияйнен 1982; Емельянов 2025]). Но эти подходы не являются конкурирующими, могут сосуществовать, взаимно дополняя друг друга. Отрасли права, в особенности это касается конституционного, гражданского, административного права, должны быть «анатомической» основой, фундаментом для функциональных нормативных комплексов.

Среди существующих в праве функциональных нормативно-правовых массивов обычно особое внимание уделяется комплексным правовым образованиям. С. С. Алексеев при исследовании данного явления отмечал: «Нормативные положения комплексных образований имеют юридически разнородный характер, общие нормы и положения этих образований довольно скудны. Их содержание в значительной степени покрывается подразделениями главной структуры – основными отраслями и институтами» [Алексеев 2010, т. 2, с. 28]. Он оценивал появление в праве комплексных образований как удвоение структуры права, комплексные образования представляют собой вторичную структуру, которая наслаивается над главной (нормы-институты-отрасли права).

В последние годы в российской юридической науке появились исследования, предметом которых является другой вид функциональных нормативно-правовых образований – циклические нормативные массивы в праве. Они получили название «циклических» по причине схожести модели их образования с химическими соединениями, созданными в результате реакции циклизации. По мнению Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора, «первичным элементом этих массивов являются “кросс-отраслевые” юридические нормы, которые нестандартно ведут себя внутри системы права, создают специфические связи и занимают в ней особое место. В своем развитии они не проявляют тенденции к обособлению подобно отраслям или институтам права, а наоборот, демонстрируют способность проникать в большинство элементов системы права, взаимодействовать с ними, определять их содержание, функционирование, а также векторы и темпы преобразований» [Хабриева 2019, с. 5, 9] (см. также: [Хабриева, Черногор 2018, с. 90]). В качестве примеров сформировавшихся в российском праве циклических массивов авторы исследования данного феномена называют нормы антикоррупционного законодательства, а также законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Принципиальное отличие механизма формирования циклических правовых массивов от генезиса комплексных образований Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор видят в том, что если в комплексных образованиях нормы заимствуются из основных, базовых отраслей права, то в циклических массивах нормы – это не заимствованные, а новые положения, правила, которые «вживляются» в существующую правовую «ткань» базовых отраслей для осуществления определенных законодательных целей.

Возможны и другие «сценарии», механизмы создания функциональных нормативно-правовых образований. Российское право – постоянно развивающаяся, динамичная, усложняющаяся система норм. Законодателю важно взять под контроль процесс преобразования правовой материи, создания новых отраслей, правовых институтов, комплексных и иных массивов норм, реформирования основных, базовых отраслей. Для этого он должен определить стратегическую цель (цели) развития системы российского права и разработать долгосрочную программу правотворческой деятельности.

Список источников

- Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6 : Восхождение к праву. М. : Статут, 2010. 558 с.
- Алексеев С. С. Структура советского права // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 : Специальные вопросы правоведения. М. : Статут, 2010. 471 с.
- Алексеев С. С. У истоков Конституции России: субъективные заметки. Екатеринбург : Ин-т частного права, 2009. 64 с.
- Аржанов М. О принципах построения системы советского социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 26–35.
- Архипов С. И. Правовое будущее России. Часть 1. Обзор основных позиций // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 5–21. DOI 10.34076/22196838-2022-2-5. EDN NZZRCT.
- Архипов С. И. Развитие представлений о системе права в советском правоведении (первая и вторая дискуссии о системе права) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 6–22. DOI 10.34076/22196838_2026_1_6.
- Архипов С. И. Теория восходящего правового развития человечества: основные недостатки и пути их устранения // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 5. С. 5–17. DOI 10.34076/22196838_2024_5_5. EDN QBDRFY.
- Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М. : Наука, 1973. 270 с.
- Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1 (1). С. 191–284. EDN OXNGZD.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права : [пер. с нем.] / авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц ; АН СССР, Ин-т философии. М. : Мысль, 1990. 524 с.
- Емельянов А. С. Перспективы развития системы российского права // Российская юстиция. 2025. № 2. С. 8–14. DOI 10.52433/01316761_2025_02_08. EDN CWETLM.
- Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1 / пер. В. Р. Лицкого [и др.] ; под ред. В. Р. Лицкого. СПб. : Изд. Н. В. Муравьева, 1881. [2], II, VIII, 412 с.
- Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1797. Часть первая. Метафизические начала учения о праве // Кант И. Сочинения в шести томах / [под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана]. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 2. С. 109–304.
- Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2024. 805 с. EDN KYKYUS.
- Система права: история, современность, перспективы : монография / Т. Н. Радько, Д. М. Азми, А. А. Головина [и др.] ; под ред. Т. Н. Радько. М. : Проспект, 2019. 256 с.
- Сюкийянен Л. Р. Система советского права и перспективы ее развития. «Круглый стол» журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 97–98.
- Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. СПб. : Тип. Н. Греча, 1818. xiii, 371 с.
- Фуллер Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. Изд. перераб. и доп. М. : ИРИСЭН, 2007. 308 с.
- Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18. DOI 10.12737/jrl.2019.12.1. EDN NDHXFE.
- Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102. DOI 10.12737/art_2018_1_7. EDN YKWEZL.
- Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М. : Тип. Мартынова, 1883. Ч. 2. 457 с.
- Шаргородский М. Д., Иоффе О. С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 101–110.
- Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. И. И. Маханькова. Т. 1 : Образ и действительность. М. : Айрис-пресс, 2003. 522 с.

Ямпольская Ц. А. Система советского права и перспективы ее развития. «Круглый стол» журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 94–95.

Luhmann N. Law as a social system / transl. by K. A. Ziegert. Oxford : Oxford University Press, 2004. 498 p.

Информация об авторе

Сергей Иванович Архипов, д-р юрид. наук, профессор кафедры теории государства и права им. С. С. Алексеева, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Sergey I. Arkhipov, Dr. Sci. (Law), Professor at the Theory of State and Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 02.11.2025.

Одобрена после рецензирования | Revised 05.12.2025.

Принята к публикации | Accepted 05.12.2025.